

Н. П. ГАЛЬЦОВА (Томск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ *s*-ОВЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ТЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Во многих уральских языках морфологически выделяются два прошедших времени: первое, функционирующее в рамках индикатива, обозначает процесс, действие, совершившиеся или совершавшиеся до момента речи; второе признается как неочевидное и употребляется в том случае, когда говорящий не является свидетелем событий прошлого. Однако по мнению Б. А. Серебренникова (1960 : 59), в некоторых финно-угорских языках факт неочевидности действия не играет существенной роли, и второе прошедшее время может употребляться в значении перфекта. В этом проявляется двухаспектность второго прошедшего времени: с одной стороны, употребление в роли чистого перфекта, с другой — как средства выражения модальности. Аналогичная ситуация наблюдается в диалектах селькупского языка, где в качестве первого прошедшего времени индикатива используются финитные глагольные формы с показателем *-sV-*. Второе прошедшее время, имеющее маркером формант *-mpV-* (*-pV-*), может выражать перфект, а также передавать значение неочевидности действия в прошедшем.

В статье вопрос временных отношений плана прошедшего ограничивается рассмотрением *s*-овых форм прошедшего времени в тымском диалекте селькупского языка. Основной акцент при этом делается на выявлении их грамматического содержания и изучении механизма их функционирования. Маркер прошедшего времени *-sV-* селькупского глагола признается общесамодийским и многими исследователями возводится либо к прауральскому **s*-овому показателю претерита (Erdődi 1963 : 69; Серебренников 1968 : 491, 493; Hajdú 1966 : 73, 139), либо к прасамодийскому суффиксу **-sV-* отглагольных имен (Кюннап 1974 : 19). Названный показатель прошедшего времени отмечен во многих самодийских и финно-угорских языках (Терещенко 1966 : 386, 407, 449, 429; Хайду 1985 : 240; Кюннап 1978 : 135, 139—140).

Формы прошедшего времени на *-sV-* присутствуют во всех диалектах селькупского языка. Однако значение их неодинаково. В тазовском диалекте с их помощью обозначается действие или состояние, имевшее место в прошлом, но не непосредственно перед моментом речи (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 237). Л. А. Варковицкая выделяет в баишенском говоре давнопрошедшее время с показателем *-s-*, употребляющееся для выражения событий, относимых к сравнительно далекому прошлому, совершение которых не вызывает никаких сомнений (1947 : 25). В среднеобских говорах *s*-овые формы прошедшего времени обозначают действие, относящееся к давнему и недавнему прошлому, т. е. имеют значение действия прошедшего, но не связанного с моментом речи (Морева 1983 : 54).

Иначе обстоит дело в тымском диалекте, где наблюдается расщепление значений s-овых прошедших форм по видовому признаку. Общее для всех глаголов состоит в том, что описываемые события соотносятся с планом прошлого. Однако дифференциация значений финитных форм на -sV- зависит от аспектуальной характеристики основы по признаку предельности/непредельности глагольного действия и может проявлять себя в указании на завершенность или незавершенность действия к моменту речи. Так, s-овые формы предельных глаголов выражают состояние или результат действия, осуществленного до момента речи, передают смену вытесняющих друг друга действий, их результатов в хронологической последовательности. Например: *kundak tōzant? maž oyit tūzak* 'откуда пришел (ты)? из леса пришел (я)'; *mat ugot tīnd^v konžirsap* 'я давно тебя увидел'; *kβil pokose kβassak, pokop izap* 'рыбу сетью добыла (я), сеть сняла (я)'.

Временные формы на -sV- непредельных глаголов констатируют наличие или отсутствие факта в прошлом. Они выражают не смену действий, их результатов, а воспроизводят действие в его течении, не определяют хронологию событий, а размещают их в одной плоскости. Например: *šβērza, a mat niņgsak* 'дождь шел, а я стояла'; *tīt^vk ēza, a tuγot üt sey ēza* 'облачно было, а на озере вода черная была'; *koče-bar kōškesak korγo qβitku* 'много раз (я) ходил медведя добывать'.

Как в настоящем, так и в прошедшем времени важную роль при определении временного значения глагольных форм играют суффиксы способа протекания действия (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 217), примыкающие, как правило, к корневой морфеме. Характерная особенность этих словообразовательных элементов заключается в том, что они способны радикально менять семантику глагола.

Так, при помощи суффиксов -ku-, -špV-, -mpV- (соответственно: узальной, дуративной совершаемостей) предельные глаголы переходят в класс непредельных. Формы прошедшего времени на -sV- таких глаголов, имеющих в своей структуре вышеназванные суффиксы, выступают со значением незавершенности действия, ср. *tūgo* 'прийти': 1) *mat tūzak niṁband* 'я пришла к бабушке'; 2) *kupes therješpset apsami potom sulže tūšpsut* 'купец продавал продукты, потом (мы-многие) домой шли'.

Напротив, присоединяя суффиксы инхоативной (-el-, -IV-), интенсивно-перфектной (-lč-, -ej-) совершаемостей, непредельные глаголы становятся предельными. Следовательно, формы указанной структуры глаголов, приобретая показатель прошедшего времени -sV-, выражают значение результативности, совершенности действия. Например: *talž el kβiṣsak, sobol nōtsap i kanak mudelsa* 'вчера я пошел, соболя погнал, и собака залаяла'.

Используя методiku порядкового членения аффиксов в языках агглютинативного строя, удалось определить положение маркера прошедшего времени в структурах глагольных форм. Рассматривая s-овые формы прошедшего времени как индикативные и учитывая, что индикатив маркируется нулевым показателем, можно сказать, что формант -sV- расположен между основной глагола и лично-числовым аффиксом. (Иначе обстоит дело в ненецком языке: суффикс прошедшего времени -сβ- присоединяется к личному окончанию — Терещенко 1966 : 376). Если глагольная основа имеет в финале согласный или гласный звук полной артикуляции, суффикс -sV- присоединяется непосредственно к аудиту основы. На стыке конечного согласного основы и суффикса про-

шедшего времени возможны ассимилятивные процессы: $ls > ss$, $ts > ss$, $ns > ss$. Например: *mat tabem orassak talžond* 'я белку за хвост поймал'; *mat nađelkan kabory šüssak* 'я девочке платье сшила'; *pissap kulund najp* '(я) положила в мешок хлеб'. Неустойчивый гласный основы при присоединении суффикса $-sV-$, как правило, редуцируется, хотя зафиксированы и случаи сохранения альтернативного финального гласного. Например: *mat eβem nind^v ilsa* 'моя мать здесь жила'; *me ütšut pet čononž* 'мы (многие) работали до полуночи'; *tab nind^v wargasa* 'он здесь жил'.

При сопоставлении s -овых форм прошедшего времени по селькупским диалектам следует особо выделить случаи их употребления в отрицательном контексте. В тазовском диалекте эти формы не встречаются с отрицательной частицей *assa*, характерной для сферы употребления индикатива (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 237). Отрицание в данном случае выражается конструкцией: имя действия + отрицательная частица *cāŋka*, ср. *man ilysak* 'я жил' и *man ilyptämy cāŋka* 'я не жил (букв. мое житие отсутствует)'. В тымском диалекте селькупского языка, напротив, при выражении отрицания в рамках прошедшего индикатива s -овым формам всегда сопутствует отрицательная частица *aža(a)*: *tatčab teb a tōza* 'из-за тебя он не пришел'; *nörsut, nöršut, aža kβizut* 'гнали, гнали, но не добыли (мы — многие)'; *mat aža kondersak* 'я не видел'. Между тем имеются единичные случаи, когда отрицание действия передается в тымском диалекте также сочетанием имени действия и отрицательной частицы *čaŋka*.

Таким образом, маркером прошедшего времени индикатива в тымском диалекте как в отрицательном, так и в положительном контексте следует считать формант $-sV-$, примыкающий к глагольной основе. Значение s -овых форм прошедшего времени определяется аспектуальной характеристикой основы глагола. У предельных глаголов они выражают действие, совершенное к моменту речи, у непредельных — незавершенное прошедшее действие.

ЛИТЕРАТУРА

- Варковичкая Л. А. 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (на материале баишенского говора), Москва.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва.
- Кюннап А. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Автореф. докт. дисс., Тарту.
- Морева Л. В. 1983, Формы прошедшего времени в среднеобских говорах селькупского языка. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике, Омск, 53—57.
- Серебренников Б. А. 1960, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
- 1968, О количестве глагольных времен в протоуральском языке. — CIFU II, 490—493.
- [Терещенко Н. М.] 1966, Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 376—395, 428—447, 448—460.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Erdődi, I. 1963, Zur Frage der Herkunft der Präteritum-Suffixe in den uralischen Sprachen. — CIFU I, 65—69.
- Hajdú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki.

N. P. GAL'COVA (Tomsk)

ZUM ANWENDUNGSBEREICH VON FORMEN DER VERGANGENHEIT MIT -sV- IM TYM-DIALEKT DES SÖLKUPISCHEN

Im vorliegenden Beitrag werden verbale Formen mit -sV-, die im Tym-Dialekt des Sölkupischen die Vergangenheit ausdrücken, betrachtet. Es wird hervorgehoben, daß die Bedeutung der -sV-Formen vom Aspekt des Verbs abhängt. Perfektive Verben, die das Suffix -sV- aufweisen, drücken eine zum Redemoment abgeschlossene Handlung aus. Imperfektive Verben mit dem Suffix -sV- bringen eine in der Vergangenheit unabgeschlossene Handlung zum Ausdruck.

В настоящем вкладе рассматриваются глагольные формы с суффиксом -sV-, функционирующие в тымском диалекте сёлкупского языка. Подчеркивается, что значение форм с -sV- зависит от аспекта глагола. Перфективные глаголы с суффиксом -sV- указывают на законченную к моменту речи действие, а имперфективные глаголы с -sV- указывают на незавершенное действие в прошлом.

DER OBLIGATIV I IM NENZISCHEN

Die Obligatorik im Nenzischen wird in diesem Beitrag untersucht. Es wird festgestellt, dass die Obligatorik im Nenzischen eine obligatorische Form der Vergangenheit ist, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird.

DER OBLIGATIV I IM NENZISCHEN (Fortsetzung)

Die Obligatorik im Nenzischen wird in diesem Beitrag untersucht. Es wird festgestellt, dass die Obligatorik im Nenzischen eine obligatorische Form der Vergangenheit ist, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird.

DER OBLIGATIV I IM NENZISCHEN (Fortsetzung)

Die Obligatorik im Nenzischen wird in diesem Beitrag untersucht. Es wird festgestellt, dass die Obligatorik im Nenzischen eine obligatorische Form der Vergangenheit ist, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird. Die Obligatorik im Nenzischen ist eine obligatorische Form der Vergangenheit, die durch das Suffix -sV- gebildet wird.